

Доктор Роджер Грин, Американское христианство,

Сессия 20, Социальное Евангелие в Америке,

Часть 2

© 2024 Роджер Грин и Тед Хильдебрандт

Это доктор Роджер Грин в своем учении об американском христианстве. Это сессия 20, Социальное Евангелие в Америке, Часть 2.

Хорошо, я на странице 15 программы, так что вот где мы находимся, и мы примерно там, где и должны быть.

Мы говорим. во-первых, мы дали обзор Уолтера Раушенбуша, и вы читаете биографию Раушенбуша Эванса, так что вы, вероятно, читали ее уже пару раз, так что вы знакомы с этой биографией, глава за главой. Итак, Уолтер Раушенбуш, но очень, очень, очень важная личность в христианстве в Америке, как бы перестраивающая некоторые вещи, в этом нет сомнений. Итак, мы много сделали о нем и о его жизни и так далее, и мы все еще в А, мы все еще о Уолтере Раушенбуше и говорим о нем, а затем мы поговорим о теологии социального евангелия, а затем о вкладе социального евангелия в американское христианство.

Итак, это своего рода наш план. Итак, где мы находимся с Раушенбушем, мы действительно находимся в его работах, и мы действительно, я думаю, мы, да, вот работы, «Христианство и социальный кризис», которые он написал в 1907 году. Теперь, вы, вероятно, не будете читать «Христианство и социальный кризис» на этой неделе.

Мы надеемся, что вы прочтете это этим летом. Итак, я дал вам пять основных пунктов о христианстве и социальном кризисе, и последний пункт: куда мы идем отсюда? Разве это не то, где мы остановились? Я думаю, что это то, где мы остановились. Я не думаю, что мы двинулись дальше.

Итак, давайте скажем еще пару слов о книге и о том, что Раушенбуш пытался сделать в ней, а затем перейдем к следующей книге, «Теология социального евангелия». Но, если мы не упомянули «Христианство и социальный кризис» 1907 года, то он действительно верит в концепцию Царства Божьего. Это центральная концепция для Раушенбуша в его книгах, в его трудах, в его учении.

И то, что он пытается сделать, это то, что он пытается привнести язык Царства Божьего в современный мир, в 20-й век. Он пытается помочь церкви 20-го века

понять, как Царство Божье соотносится сейчас с 20-м веком, что, конечно, он считает центральным посланием Иисуса, каковым оно и было. Царство Божье близко.

Покайтесь и уверуйте в Евангелие. Итак, Раушенбуш в книге пытается восстановить это великое послание. Теперь он также верит в книге, что дата 1907 года важна; он также верит, что церковь, тело Христа, сейчас церковь может быть инструментом в достижении Царства Божьего.

Церковь может помочь приблизить Царство Божье, и частично, она может помочь, смягчая зло в этом мире, борясь со злом, смягчая зло и так далее, чтобы помочь вступить в Царство Божье. Поэтому у него высокое мнение о работе церкви. Опять же, церковь с большой буквы. Мы упоминали на днях, что когда дело касается работы церкви, он видит более демократически ориентированные церкви, такие как баптисты и методисты, как более способные это сделать.

Потому что, насколько он понимает, баптисты и методисты представляют собой наиболее четкую первобытную церковь. Поэтому он иногда немного критикует иерархические церкви, потому что они стоят на пути этого демократического импульса в церкви, а также в стране. Итак, христианство и социальный кризис.

Дата написания очень важна. Хорошо, еще одна вещь о самой книге. То, что Раушенбуш попытается сделать в книге и своих работах в других книгах, это соединить библейские исследования или религию и этику.

Итак, библейские исследования, религия, этика. Он пытается объединить все это вместе. Он пытается сделать это своего рода цельным в своем учении.

И вот он пытается сделать это в книге. Если кто-то из вас вел меня на курсе христианской теологии, вы знаете, что один из моих профессоров говорил, что вся хорошая теология заканчивается этикой. Ну, это было бы правдой.

Раушенбуш бы в это поверил. Что вся хорошая теология заканчивается этикой. Поэтому он пытается увидеть своего рода этические предписания, которые исходят из библейских записей и исходят из религии.

Итак, это действительно очень важно для Раушенбуша. Если вы собираетесь прочитать одну книгу Раушенбуша, то это будет книга для чтения: «Христианство и социальный кризис». Мы также поговорим о второй книге, теологии социального евангелия.

Теперь обратите внимание, когда он это написал, в 1917 году. Итак, мы находимся в разгаре, в муках Первой мировой войны в то время. Итак, теология социального евангелия.

Хорошо, то, что Раушенбушу нужно сделать в этой книге, это примириться со злом. Ему нужно примириться с реальностью и хаосом, который Первая мировая война произвела в культуре и христианстве. И поэтому он понимает, что то, что он сказал в 1907 году, было очень оптимистичным по сравнению с тем, что мы сейчас переживаем во время Первой мировой войны. И поэтому он пытается сделать это в этой книге, но он действительно вынужден это сделать в этой книге.

Теперь, что он говорит, если вы сравните Раушенбуша с Линкольном, это будет очень интересное сравнение и контраст. Помните, мы говорили с Авраамом Линкольном, что гражданская война была непростым способом разобраться, почему у нас была гражданская война. Знаете, вот хорошие парни, вот плохие парни.

Ну, это легкий способ взглянуть на это. Однако нюансы, которые Линкольн предложил для преодоления Гражданской войны, были своего рода корпоративной виной и необходимостью покаяния и исповеди, если мы собирались двигаться вперед. Ну, Раушенбуш делает то же самое.

Он считал, что всеобщее зло не может быть найдено только в одной стране; зла достаточно, чтобы распространиться на все страны. Зла достаточно, чтобы распространиться на всех людей в этом мире.

Итак, он говорит, что конечной причиной зла в терминах корпоративного зла являются две вещи. Итак, позвольте мне упомянуть две вещи, которые в конечном итоге стали причиной зла, которое мы переживаем здесь в 1917 году, теология социального евангелия. Номер один — это то, что он называл жадой незаработанной выгоды.

Жада незаработанной выгоды. Раушенбуш также сказал, что все нации демонстрируют жажду незаработанной выгоды. Выгоды, которую они не заработали, и они жаждут этой выгоды от других наций и от других народов.

Итак, это проблематично, насколько это касается Раушенбуша, и у всех наций это есть. Никто не застрахован от этого. Второе, о чем он говорил, это империалистические державы.

Империалистические державы. Все нации разделяют этот тип империализма и это стремление к колонизации. Просто не одна нация делает это, так что вот хорошие парни и плохие парни.

Мы все разделяем, чувствовал он, этот вид корпоративного зла. Поэтому начало теологии социального евангелия — признать, где мы находимся сегодня. Мы находимся в середине хаоса.

Мы знаем, что это уничтожило некоторые обнадеживающие знаки, которые у нас были, которые у меня были, сказал бы Раушенбуш, в 1907 году. Мы это знаем. Давайте посмотрим этому в лицо и попытаемся с этим справиться.

Хорошо, теперь еще одна вещь о книге, куда он идет, это то, что в остальной части книги он теперь дает надежду на будущее. Несмотря на хаос, несмотря на зло, несмотря на то, во что мы сейчас погружены, есть надежда на будущее, в этом нет никаких сомнений. И то, что он хотел сделать, он хотел восстановить понятие Царства Божьего.

Итак, несмотря на дни, которые мы переживаем, у нас есть надежда верить, что мы пройдем через это и увидим восстановление Царства Божьего, несмотря на то, насколько плохими кажутся вещи. Итак, он возвращается к теме Царства и напоминает людям, что мы пытаемся делать в этом курсе христианского богословия, напоминает людям, что Библия — это не история о добре и зле, и мы стоим в стороне и гадаем, какая сторона победит. Бог победит или зло победит? Ну, мы не уверены.

Так что нет, это не библейская запись. Это не библейская история Раушенбуша. Библия — это история о том, как Бог побеждает зло.

Библия — это история завоевания Бога. Так что надежда, по мнению Раушенбуша, заключалась в том, что надежда на Царство Божье была надеждой, заложенной в самой Библии. Так что очень обнадеживающей.

Когда мы пройдем через это, давайте посмотрим, как это восстанавливается. Затем он также в книге хочет подумать о том, как христиане могут быть особенно полезны в этом процессе восстановления. И он говорит о христианизации международных отношений.

Итак, одно место, куда он хотел, чтобы вошли христиане, было политическое и международное политическое пространство. Он считает, что это хорошее место для христианства после окончания войны. Конечно, мы все еще в 1917 году.

Он умер в 1918 году, помните? Но он возлагает большие надежды на христиан, входящих в политические международные отношения и несущих христианское послание в более широкую культуру. Так что это очень важно для Раушенбуша. Так что это очень обнадеживающая книга и, очевидно, полезная книга, когда люди пытаются оказаться по другую сторону этого.

Итак, это Раушенбуш. Теперь два имени, которые мы не упомянули, чтобы закончить с Раушенбушем. Мы упомянули Вашингтон Глэдден.

Мы не упомянули Адольфа фон Гарнака или Джошуа Стронга. Итак, есть пара имен, которые вы, возможно, захотите просто записать: фон Гарнак и Стронг. Поскольку оба фон Гарнака преподавали в Берлинском университете, Стронг был американским теологом.

Однако оба они твердо убеждены, что христианские ценности могут прививаться отдельным людям и, следовательно, влиять на общество в целом. Так что и фон Гарнак, и Стронг в этом большие молодцы. Христианские ценности влияют на отдельного человека, но затем через отдельного человека на национальную жизнь.

И, конечно, это то, на что надеялся и Раушенбуш. Так что есть своего рода конгруэнтность в том смысле, что люди думают одинаково об этих вещах. Мы особенно упоминали ранее, насколько важен был Вашингтон Глэдден для Раушенбуша.

Хорошо, вот немного о жизни Раушенбуша. Вы читаете книгу. Если вы не читаете ее по главе в неделю, еще не поздно.

Начинайте, потому что на выпускном экзамене много из книги. Поэтому я хочу знать эту книгу очень, очень хорошо для финала. Есть ли какие-то вопросы о его жизни? Типа его жизни, его служения, кем он был, что мотивировало его писать, проповедовать и учить и так далее.

Помните 11 лет в Нью-Йорке, а потом возвращение в Рочестер? Да, он преподавал с помощником, но он все еще мог говорить. Но помощник следил за тем, чтобы он артикулировал и так далее.

Затем я передавал ему вопросы и так далее, иногда записывая их. Но у него были помощники, и это, казалось, работало довольно хорошо, даже с большими группами. Поскольку Раушенбуш был настолько известен, то был спрос на него везде, чтобы он приходил и говорил, проповедовал или говорил или рассказывал о своих книгах и так далее.

Еще кое-что о Раушенбуше и о его жизни. Хорошо, надеюсь, вам понравится биография. Это действительно замечательная биография.

Ладно, номер В, теология социального евангелия. Поскольку Раушенбуш это заводит, его называют отцом социального евангелия.

Он начинает. Но тогда, какая теология вышла из социального евангелия? Номер С — это вклад социального евангелия в американское христианство. Хорошо, во-первых, в верхней части списка теологии социального евангелия находится то, что мы уже упоминали с Раушенбушем, но это Царство Божье.

Если бы мне пришлось выбрать одну выдающуюся тему из движения социального евангелия, это было бы Царство Божье. Теперь, что касается социальных евангелистов, включая Раушенбуша, но затем и людей, которые следовали за ним. Царство Божье имело отношение не только к сообществу искупленных.

Это, очевидно, имело к этому отношение. Но Царство Божие не останавливается на этом. Оно не останавливается на сообществе тех, кто искуплен.

Это не останавливается на сообществе тех людей, которые принадлежат к Царству по вере. Царство Божье также переходит оттуда к преобразованию общества, к возвращению общества и культуры под зонтик Царства Божьего, где оно и находится, насколько это касается социальных евангелистов. И поэтому они ищут, это как, для них, это как монета с двумя сторонами.

Одна сторона медали этого — социальное действие. А другая сторона медали этого, извините, одна сторона медали — социальная реформа. А другая сторона медали — политическое действие.

Итак, социальная реформа, политическое действие, это монета с двумя сторонами, поэтому вы не можете разделить монету пополам; в противном случае она бесполезна, и вы не можете иметь половину этих вещей. Вы должны иметь и то, и другое. И поэтому, между социальной реформой и политическим действием, есть признаки работы царства, которые происходят и в церквях.

Вот три признака работы царства, которые происходят: социальные реформы и политические действия. Прежде всего, правительство. Вы смотрите на правительство и видите признаки работы царства, проделанной в правительстве, даже если люди в правительстве не обязательно являются христианами, но они и они могут не, вы знаете, формулировать это таким образом, но они на самом деле работают ради результатов царства.

Итак, правительство — это одно место. Второе место, конечно, это коммерция и бизнес. Коммерция и бизнес, это дело теологов и теологов социального евангелия напомнить коммерции и бизнесу, что они есть, что они существуют ради общего блага, и они существуют, они делают работу Царства Божьего, даже если они могут этого не осознавать, так что.

И третье — это то, о чем мы говорили на днях. Я думаю, это было через вопрос, но третье очень важно для Раушенбуша, и это жизнь семьи. Семейная жизнь, насколько он был заинтересован, была своего рода сердцем всего этого, и очень сильной, и мы говорили о его собственной семейной жизни, и очень сильная семейная жизнь — это действительно основа для своего рода царственного общества.

Эти три сферы, правительство, бизнес и семейная жизнь, являются тремя видами общественных сфер, которые очень важны для Раушенбуша. И мы упоминали на днях, помните, он создал Рочестер как своего рода модель того, как все это работает вместе, чтобы помочь сформировать Царство Божье. Так что Рочестер, на всю оставшуюся жизнь после того, как он вернулся, стал образцовым городом.

Это своего рода Женева Кальвина, в каком-то смысле. Так вот оно что. Так что это одно.

Второе, что касается теологии социального евангелия, это совершенствуемость человечества. Социальные евангелисты верили в совершенствуемость человечества. Поэтому социальные евангелисты считали, что это было очевидно, насколько это касалось их, по быстрому движению христианства со времен Реформации.

Когда они смотрят на историю церкви со времен Реформации, они видят, как христианство движется, развивается, формируется и т. д. Это особенно верно в американской жизни и культуре. Потому что, насколько они обеспокоены, христианизация американской жизни и культуры действительно ускоряется.

Это было действительно быстро. И это признак совершенствуемости человечества. Теперь я бы сказал, что социальные евангелисты второго поколения переоценили это, потому что Раушенбуш все еще был евангелистом.

Итак, с одной стороны, он признавал совершенство человечества. Но с другой стороны, он признавал и греховность людей. Раушенбуш сумел сохранить здесь нюансы.

Но люди, которые следовали за ним, не были такими. И поэтому они, кажется, забыли о грехе и сделали акцент на совершенствующейся части человечества. Но нет никаких сомнений, что теология социального евангелия на самом деле была сосредоточена на этом совершенствующемся типе вещей.

Итак, это второй. Хорошо, номер три, третий вид теологии социального евангелия. И это то, с кем Церковь сотрудничает? С Церковью, Телом Христовым, с большой буквы С. С кем Церковь должна сотрудничать в этом

мире? На чьей стороне должна быть Церковь? Ну, социальные евангелисты говорили, что Церковь должна объединиться с рабочими классами.

Церковь на стороне рабочего класса. Если социальный порядок должен быть преобразован, если культура должна быть спасена, это может быть сделано только силами рабочего класса. И поэтому религиозная сила и моральная сила, исходящая от религии, должны подкреплять работу рабочего класса, работу и служение рабочего класса, потому что именно они собираются обновить общество, обновить социальный порядок.

Хорошо, так кто же тогда этим управляет? Ну, Церковь может помочь людям, встав на сторону рабочего класса, встав на его сторону, поддерживая его. Церковь может в конечном итоге помочь контролировать работу работы, служение рабочего класса. Так что люди должны быть вовлечены в это.

Теперь, в этом пункте, социальные евангелисты подчеркивали не только личный грех. На самом деле, они как бы отпустили это, но мы поговорим об этом позже. Они подчеркивали не только личный грех, но социальные евангелисты были своего рода звонком для пробуждения корпоративного зла.

Это не просто грех отдельного человека, но и зло системы, зло предприятия и, таким образом, системное зло. Поэтому они начали заниматься такими вещами, как бедность, угнетение, несправедливость, расизм и т. д. Именно это они считали работой Церкви — говорить не только о личном грехе, но и о корпоративном и системном зле.

Итак, когда вы начинаете развивать теологию социального евангелия, особенно от Раушенбуша, это часть теологии. Теперь, прежде чем мы покинем теологию, я думаю, что это и Рейнхольд Нибур помогают нам в этом, но это позже, так что нам не нужно беспокоиться об этом сегодня. Но я думаю, что по мере своего развития оно столкнулось с тремя действительно серьезными теологическими трудностями.

И я хочу просто упомянуть эти три. Итак, это под В, теология социального евангелия. Теперь, когда мы немного рассмотрели теологию, в чем трудности этой теологии? В чем проблемы этой теологии, социального евангелия? Хорошо, я думаю, их три, поэтому позвольте мне просто рассказать об этих трех.

Во-первых, это действительно спорный вопрос, понимают ли они послание Иисуса о царстве. Послание о царстве было первостепенным для социальных евангелистов, но понимали ли они послание о царстве абсолютно правильно? Потому что я не думаю, что в Новом Завете есть хоть одно место, где Иисус хотя бы намекает, что царство, о котором он говорит, является политическим

царством. Я не думаю, что Иисус говорит об этом; я не думаю, что он использует язык царства в политическом смысле.

Я не думаю, что он определенно не идет на войну против политических сил. Он не был фанатиком. Поэтому у меня есть серьезные сомнения относительно того, понимают ли они Царство Божие так же, как Иисус понимал Царство Божие.

Итак, это становится проблематичным, потому что их основное внимание сосредоточено на Царстве Божьем. Правильно ли они его интерпретируют? Правильно ли они верят в герменевтику? И я думаю, что здесь есть проблемы. Во-вторых, я думаю, что движение социального евангелия прекрасно в том, что оно акцентирует некоторые вещи, но как только оно попадает во второе поколение, третье поколение и начинает отрицать реальность греха, бунта личности, грех личности, потребность в Божьей благодати для личности, все те вещи, во которые Рауш и Буш все еще верили и которые все еще держали в напряжении, как только вы начинаете отпускать эти вещи, тогда движение социального евангелия становится реакционным движением.

Не всегда это справедливость, но это реакция на пиетизм. И то, что они считают пиетистским направлением в американском христианстве. Так что это становится проблематичным, потому что, реагируя на пиетизм, они реагируют на очень, очень важные теологические вопросы в Библии и в христианстве.

Так что это второй вид критики движения. Я рад, что это было за что-то, но второе или третье поколение — это скорее реакционное движение против их предполагаемого пиетизма. И третье.

Теперь Эванс собирается жестко выступить по поводу этой третьей вещи, поэтому я просто упомяну ее здесь. Затем, когда вы будете читать Эванса, пожалуйста, обратите внимание на это. Но многие люди социального евангелия связывали Царство Божье с развитием западной культуры. Так что многие люди социального евангелия были очень, очень культурно связанными людьми.

И поэтому, если западная культура развивается, они интерпретируют это так, что Царство Божие развивается. Есть разница между Царством Божьим и западной культурой. И я думаю, что многие социальные евангелисты после Раушенбуша не осознавали эту разницу и эти уникальности и так далее.

Итак, это становится проблематичным. Если вы собираетесь ассоциировать Царство Божие с западной культурой, то какую критику вы собираетесь выдвигать по отношению к не-западным культурам? Насколько критичными вы собираетесь быть по отношению к не-западным культурам? Насколько инклюзивными вы собираетесь быть по отношению к не-западным культурам? Если вы ассоциируете Царство Божие с западной культурой, с прогрессом

западной культуры, это становится проблематичным. Это то, на чем Эванс будет настаивать в своей книге.

Ладно, это просто номер два здесь, теология социального евангелия. Так что, да, Ханна? Да, да, он такой. Он отец социального евангелия, без сомнения.

Человек, который, вероятно, является самым влиятельным и немного его опережает, — это человек по имени Вашингтон Глэдден. И Глэдден начал говорить о необходимости социальных реформ и т. д. в Колумбусе, штат Огайо. Он был известным проповедником.

И вот появляется Раушенбуш и вставляет такие замечания в более связную теологию и так далее. Так что он знает о христианской социальной мысли и римско-католической социальной мысли. Но мы как-то упоминали, что он немного критичен к иерархическим церковным структурам, потому что они, похоже, противоречат демократии, не только демократической культуре, но и конгрегационалистской, более конгрегационалистской культуре баптистов и методистов и так далее.

Так что, конечно, он это знает. Но он симпатичный; он новатор, Раушенбуш. Поскольку он получает это от разных, вы знаете, слышит, как об этом говорят, а затем открывает свою Библию, он тот, кто действительно собирает это воедино для протестантизма.

Он знаком с католической социальной мыслью, но с точки зрения протестантского мышления он отец этого социального евангелия. Но он евангелист, как скажет Эванс. Он очень тонок.

Он верит в личный грех, личное искупление, личную святость личности, Божью благодать. Но он также верит, знаете ли, в то, что мы должны что-то делать с системным злом. Так что он способен прекрасно нюансировать эти вещи, я думаю.

Он был другом Дуайта Л. Муди, как мы уже упоминали. Он ходил на пророческие конференции в Нортфилде. Так что он не слышал много социального евангелия от Дуайта Л. Муди.

Никаких сомнений. Не знаю. Это немного помогает? Эванс также попадает в пару таких влияний, особенно Вашингтона и Глэддена. Что-то еще Раушенбуш и эта теология социального евангелия.

Штука. Ладно? Ты с этим согласен? Да. Он ищет, это больше, у него была доктрина освящения или доктрина святости.

Но это было не так строго, как у Уэсли. Так что у него был довольно высокий взгляд на грех людей и т. д. Но он верил, что мы освящаемся в своего рода процессе, когда идем по жизни.

Но он также верил в то, на что он надеялся, стоя на цыпочках; он также верил, что такого рода освящающее совершенствование может прийти ко всему миру. Знаете, он был своего рода постмиллениалистом в этом смысле. Так что он, даже во второй книге, которую он написал, имел большие надежды на будущее.

Да, так что совершенство человеческих существ. Он умер, все еще веря в это, хотя и умер прямо в конце Первой мировой войны. Что-то еще о нем или о теологических штучках. Все в порядке с этим? Да.

Да. Точно. И империалистические державы.

Империалистические или колонизаторские державы. То есть, желающие властвовать над другими людьми. И для него, насколько он понимает, все нации разделяют этот грех.

У всех наций есть желание властвовать над своими соседями. Так что это не только Германия. Это не только Америка.

Все нации разделяют это всепроникающее зло. И он хочет признать это для всех наций. Так что, это помогает? Что-то еще? Ну, сделайте пятисекундный перерыв.

А затем мы сделаем С. Хорошо. Один вклад, который, как я думаю, действительно сделало социальное евангелие, заключался в том, что оно принесло понимание того, какое влияние христианство может оказать на социальные и общественные проблемы. Какое влияние христианство может оказать на общество и на социальную справедливость? Так что, я думаю, это действительно, действительно важно.

И мы поговорим о некоторых способах, которыми этого можно достичь. Теперь, это очень важно в американском христианстве, потому что, хотя Финни подчеркивал социальные проблемы наряду с евангельскими, человек, который последовал за ним, Муди, Дуайт Л. Муди, великий евангелист, великий возрожденец, но гораздо более пиетистский по отношению к личности, пиетизм личности. Муди оказал большое влияние на американское христианство, особенно на американский протестантизм.

Итак, этот вид индивидуализации евангелия имел тенденцию входить в американскую жизнь. Раушенбуш знал это, посещая пророческие конференции в Нортфилде, зная Дуайта Л. Муди и т. д. Так что один из хороших вкладов

движения социального евангелия — это своего рода пролить свет на корпоративные аспекты зла и греха и т. д.

Итак, какие социальные несправедливости всплыли на поверхность? Я собираюсь упомянуть пять из них, которые всплыли из-за людей, проповедующих социальное евангелие. Мы благодарны им за это. Хорошо, номер один, первое, что всплыло на поверхность, конечно, были очень плохие рабочие отношения между капиталом и трудом.

Ужасные рабочие отношения между владельцами и рабочими. Движение социального евангелия освещает ситуацию, чтобы увидеть, что происходит и как мы можем с этим работать. Второе, и вы не удивлены, потому что мы уже, в некотором смысле, упоминали эти вещи.

Второе — несправедливая заработная плата. Социальные евангелисты, помните, мы упоминали Братство Царства на днях, Братство Царства. Братство Царства вынесло на свет несправедливую заработную плату.

Номер три, плохие условия труда, конечно. И мы уже достаточно об этом говорили. Номер четыре — несправедливые рабочие часы.

Помните, нам трудно это помнить, но во времена Раушенбуша люди работали по 14, 16 часов в день, иногда семь дней в неделю. Попробуйте как-нибудь. Стоять у ткацкого станка по 14 часов семь дней в неделю — это очень плохо.

Так что несправедливые часы. И, наконец, номер пять — это своего рода резюме всех четырех, но это бедственное положение бедных. Бедственное положение бедных.

Признание людей социального евангелия - давайте признаем это. Очень, очень мало чрезвычайно богатых людей, и они заработали эти деньги на спинах миллионов бедных людей. Так что мы должны это помнить.

Мы должны как бы вынести это на свет. Это важно. Теперь, под этим пятым пунктом, вы увидите это и у Эванса, под этим пятым пунктом.

Раушенбуш все время задавал себе вопрос, как мы можем побудить богатых людей помогать бедным? Как мы можем убедить? Могу ли я сказать пару слов? Как мы можем убедить богатых давать бедным, чтобы облегчить страдания бедных? Есть ли способ сделать это? Это ли работа Евангелия? Это ли работа пастора? Это ли работа священника? Это ли работа церкви, убеждать богатых давать, помогать в служении бедным? Как вы можете это сделать? Возможно ли это? Или богатые настолько изолированы в своем собственном мире, не имея никаких знаний о том, что происходит среди бедных, что они не будут

понимать, что происходит здесь? Теперь, в этом смысле, это похоже на работорговлю в Англии. Помните, мы говорили о работорговле в Англии ? Как они в конце концов победили работорговлю в Англии? Ну, они создали проблему рабства. Они поставили проблему рабства перед лицом богатых.

И вы помните небольшой клип, который мы показали, небольшое видео, которое мы показали об этом. Так что это одно. Хорошо, это первое.

Социальное евангелие фокусирует внимание на корпоративных аспектах жизни, а не только на индивидуальных аспектах жизни или религии. Так что это номер один. Хорошо, номер два.

Движение социального евангелия повлияло на основные места в Америке, основные группы в Америке, чтобы изучать теологию и этику. Так что оно повлияло на церкви, оно повлияло на семинарии, оно повлияло на колледжи, чтобы начать изучение этих самых вещей, теологии и этики. И эти исследования пересекли конфессиональные границы.

Итак, они не ограничивались только баптистами или только методистами, или только конгрегационалистами. Изучение теологии и этики пересекало конфессиональные границы. Это был хороший способ склеивания различных конфессий в американской христианской жизни.

Так что это было верно не только для церквей, но и для семинарий. Номер три. Наконец, целые конфессии начали иметь офисы социального служения.

Итак, целые конфессии начали заниматься социальным служением как своего рода библейским и теологическим проектом. Номер четыре действительно важен, и это движение социального евангелия, которое начало много институциональной жизни, которая была важна для бедных. Школы, детские сады, жилье.

Но они начали брать на себя много больниц. Они начали развивать институциональную жизнь, но институциональная жизнь была, в первую очередь, помощью бедным всеми возможными способами. Так что они действительно пытались помочь там.

Ну, ладно, так что помогаем бедным. Детские сады, больницы и школы всеми возможными способами. Где-то два года назад по телевидению показали интервью, которое было очень тяжело смотреть, потому что парень по телевизору пытался доказать, что нам нужно отделить социальное служение от церквей и религиозных групп и так далее.

Нам нужно отделиться. Нам нужно убрать эти церкви с дороги этого служения, которое мы пытаемся проводить в городах. Если бы мы могли просто убрать церкви отсюда, мы были бы в хорошей форме.

И когда его, конечно, спросили об этом, он сказал, ну, видите ли, церкви никогда не были вовлечены в это. Так вот, внезапно, за последние 20 лет, они мутят воду, открывая детские сады, больницы и так далее. Итак, что вы делаете перед лицом такого абсолютного невежества? Что вы делаете? Это было просто невероятно, невежество этого человека, который пытался отстранить религиозные группы от работы.

Можно утверждать, что причина, по которой Америка так богата детскими садами, школами, больницами и т. д., заключается в том, что она так богата этим, а не из-за правительства. Я чувствую, что сейчас я захожу слишком далеко, но они так богаты этим, не потому, что правительство установило эти вещи. Это потому, что в истории американской жизни и культуры церковь установила эти вещи из сострадания к людям.

Вот почему у нас есть детские сады. Вот почему у нас есть больницы. Вот почему у нас есть учреждения для бедных и так далее.

Итак, кого мы должны за это поблагодарить? Ну, одна из групп, за которую мы должны поблагодарить, это движение социального евангелия, потому что это было не просто социальное евангелие; это была не просто философская идея, которая у них была. Они воплотили это в жизнь и заботились о бедных такими способами. Мы находимся там, где мы находимся сегодня в культурной жизни американцев, во многом благодаря этим людям, поэтому мы благодарны им.

Так что, я не знаю, когда вы слышите, как люди говорят так, это просто незнание американского христианства в целом и незнание той помощи, которую они оказали бедным. Так что мы благодарны за это. Так что множество социальных служб, если вы хотите их так называть, появились благодаря движению социального евангелия.

И, наконец, социальное евангельское движение также оказало влияние на миссионерскую работу церкви. Не все, я скажу это очень ясно, не все, но у многих миссионеров, которые отправились в 19 веке, их единственной заботой было спасение душ тех людей, которым они служили, и это нормально. Это часть евангелия.

Однако социальное евангелие действительно оказало влияние на колледжи, семинарии, кафедры и церкви, и люди начали видеть, что миссионерская работа спасает души людей, но это не все. Так что миссионерская работа — это

сельскохозяйственные миссии. Я записал три: сельскохозяйственные миссии, медицинские миссии и образовательные миссии.

Итак, в сельском хозяйстве, медицине и образовании такое корпоративное понимание работы миссионера во многом обусловлено людьми социального евангелия. Итак, спасение душ — это хорошо, но оно идет рука об руку с сельскохозяйственными, медицинскими и образовательными служениями. Теперь вся теология, которая это подкрепляла, состояла в том, что когда вы имеете дело с людьми, вы должны иметь дело с ними как с личностями.

Итак, вы не цените их, если вы имеете с ними дело только духовно, потому что у них есть также физические потребности. Вы цените этих людей, когда осознаете их физические потребности, их медицинские потребности, их сельскохозяйственные потребности и их образовательные потребности. Вы цените их как людей.

Но с другой стороны, вы не оказываете никакой услуги этим людям, если это все, что вы делаете, если вы просто помогаете им физически каким-то образом. Если вы также не помогаете им духовно, вы обесцениваете их как личностей. Так что здесь есть целостное евангелие, которого люди хотят попытаться придерживаться.

Но люди социального евангелия напомнили нам, что миссионерская работа — это не только спасение души. Это также помощь людям, потому что вы их цените. Это также физическая помощь людям такими способами.

Итак, в Америке были вклады движения социального евангелия, без сомнения. Влияние на семинарии, церкви и колледжи. Было много вкладов, несмотря на некоторую теологию, которую, я думаю, нужно поставить под сомнение.

Хорошо, лекция номер 15, социальное евангелие в Америке. У вас есть вопросы? Есть вопросы? Социальное евангелие в Америке очень важно. Раушенбуш, очень важно.

Вот почему я заставил вас прочитать биографию Раушенбуша. Очень важно здесь. Да, на самом деле была реакция на движение социального евангелия, потому что люди увидели, что второе, третье или четвертое поколение социальных евангелистов не были верны посланию, которое проповедовал Раушенбуш.

И поэтому я бы не сказал, что больше конфессий подхватили это. Я бы сказал, что внутри конфессий были некоторые разногласия в отношении того, насколько далеко следует заходить в социальном служении. Знаете, насколько далеко это слишком далеко или что-то в этом роде?

Итак, я бы сказал, что это то, что вы получили. У вас были некоторые движения, которые были очень тесно связаны с этим все время, и часть всего этого движения, Армия Спасения, безусловно, была одним из них. Квакеры были еще одним движением, которое было очень важно для квакеров.

Так что у вас тоже было это. Так что у вас были некоторые разногласия в рядах по этому поводу, я бы сказал. Мы еще не говорили о фундаментализме, но это своего рода реакция на движение социального евангелия, среди прочего.

Другие вопросы по социальному евангелию? Очень важно здесь. Хорошо, мы просто начнем. Мы просто начнем, а затем продолжим в среду.

Это лекция номер 16 в верхней части страницы 15. Это лекция номер 16 в верхней части страницы 16. Итак, вот мы и здесь.

Лекция номер 16, Неоправославие и социальный кризис. Неоправославие и социальный кризис. Хорошо, тут долгая предыстория, и я не уверен, что мы закончим всю эту предысторию здесь о Неоправославии и социальном кризисе, но давайте начнем здесь.

Хорошо, во-первых, вот определение нео-ортодоксии, нового православия. Давайте дадим определение. Теперь, я должен сказать, что нам нужно быть осторожными с ярлыками.

Ярлыки помогают нам идентифицировать людей, но мы не хотим просто загонять людей в рамки, и вы это понимаете. Мы использовали ярлыки в курсе, например, социальное евангелие. Мы не хотим загонять людей в рамки, но это помогает нам идентифицировать их.

Ладно, неоортодоксия, новое православие. Новое православие — это группа людей, которые являются представителями 20-го века, в основном теологи 20-го века, которые преданы Библии. Они преданы библейскому посланию.

Они думают, что в библейском послании есть сила, и они знают, что протестантский либерализм разбавил это библейское послание. Протестантский либерализм, поскольку он взялся за крайнюю библейскую критику, действительно разбавил библейское послание или даже обошелся без него. И поэтому эти люди хотят вернуть нас к посланию Библии и силе этого послания.

Хорошо, теперь вопрос в этом первом пункте, в этом определении, вопрос в этом Новом Православии. Какие линзы они собираются использовать для толкования Библии? Мы все интерпретируем Библию по-разному. Они

собираются использовать Реформацию как линзу для толкования Писания, и особенно со многими из них они собираются использовать Жана Кальвина.

Кальвин будет тем человеком, среди других реформаторов, но Кальвин будет тем человеком, которого они будут использовать, чтобы помочь им понять величие и славу библейского послания для 20-го века. Итак, это Новое Православие. И то, что вы хотите отметить, это, в некотором смысле, не то, как это было в Первом Великом Пробуждении или не то, как это было в Пуритани, но то, что вы хотите отметить, это, в некотором смысле, кальвинизм, возвращенный в американский христианский опыт.

И это будет третья волна кальвинизма, не так ли? Потому что мы видели это сначала у пуритан, затем мы видели это в Первом Великом Пробуждении, а затем мы снова увидели это в какой-то степени в Новом Православии. Не до крайности пуританства или Первого Великого Пробуждения, но кальвинизм как вид теологии возвращается здесь к некоторому рассмотрению. Хорошо, теперь вот еще одна вещь, которую мы хотим отметить.

Люди из Нового Православия чувствовали, что Америка была американским христианством; мы говорим здесь о протестантизме, потому что римские католики и восточное православие в некотором смысле все еще являются миром для себя. Теологи Нового Православия чувствовали, что американское христианство было серьезно разделено и что в этом разделении остался большой разрыв. Хорошо, с левой стороны этого разделения, так что я смотрю на вас, это выглядит так, как будто это будет с правой стороны.

С левой стороны этого разделения находится протестантский либерализм. Протестантский либерализм, по мнению многих из этих новых православных, протестантский либерализм был практически банкротом. Протестантский либерализм не выполнил своих обещаний.

Итак, с левой стороны — протестантский либерализм, и он не дает людям то, что обещал дать людям. Это действительно не так, и там не так уж много. Мы поговорим об этом гораздо позже, когда будем говорить о фундаментализме и евангелизме.

С правой стороны сейчас есть движение, которое началось в конце 19 века, вошло в 20 век и стало очень сильным. И это был американский фундаментализм. Теперь мы будем читать лекции о фундаментализме позже, так что мы не будем беспокоиться об этом здесь.

Но американский фундаментализм находится на правой стороне, и да благословит вас Бог, и американский фундаментализм, насколько это касалось новоортодоксальных теологов, американский фундаментализм не выполнял

своих обещаний. Американский фундаментализм был слишком жестким. Он был слишком культовым.

Он был слишком узким. И поэтому он не производил обещаний быть библейским христианством. Хорошо, что касается новых православных теологов, то это оставило пробел.

Это оставило огромный пробел в американском христианстве. Это были два выбора, которые были у людей. Должна ли моя церковь быть либеральной или фундаменталистской? Кем нам быть? Новые православные теологи пришли со стратегией, и их стратегия заключается в том, чтобы обратиться к широкому среднему кругу протестантов в американской жизни, которые недовольны либерализмом и фундаментализмом.

Давайте обратимся к ним. И какой призыв они собираются сделать? Призыв заключается в том, что у нас есть здравая библейская теология, и мы даем вам эту теологию очень тщательно прописанным интеллектуальным способом. Так что здесь, среди новых православных теологов, есть реальный призыв к интеллекту, к жизни ума.

Итак, у нас есть Библия. Мы хотим критически и внимательно интерпретировать Библию, используя свой разум, и этот призыв, в каком-то смысле, победил, потому что многие были убеждены, что Новое Православие было правым. Теперь, с этим призывом, Новое Православие теологи позволили определенным вещам продолжаться.

Итак, я собираюсь упомянуть четыре, которым они позволили произойти в более широкой культуре. Хорошо, вот они. Номер один, они допускают научную свободу.

Вся правда — это правда Божья. Следуйте ей. Ученые должны следовать истине, где бы они ее ни нашли.

Наука не враг религии. Наука просто не враг религии. Она не воюет с религией.

Теперь, для многих людей, находящихся на середине пути в протестантизме в Америке, это имело смысл. Итак, хорошо, это номер один. Номер два, и здесь это становится немного проблематичным, но они допускали библейскую критику.

Они считали, что с библейской критикой нужно разбираться интеллектуально, а не просто рассматривать ее как нечто, что будет все время бороться с христианством. Поэтому они допускали библейскую критику. Поэтому они считали, что либералы слишком вольно относятся к библейской критике.

Они считали, что фундаменталисты вообще не признают никакой библейской критики, но они собираются это допустить. Так что это номер два. Хорошо, номер три, они допускают и действительно принимают развитие городской культуры.

Они не бегут; это было движение Нового Православия, которое не собиралось бежать от вызовов городской жизни. Многие христиане бежали от этого. Многие христиане не хотели иметь с этим ничего общего.

Это было злом, насколько они были обеспокоены, но не для новых православных теологов. Мы допускаем свободу городской жизни, и мы хотим увидеть, как церковь может принять культуру и городскую культуру и служить городской культуре. Так что это номер три.

Хорошо, и номер четыре, они допускали и действительно критиковали, как мы увидим, довольно сильно, довольно сильно критиковали социальные и экономические структуры американской общественной жизни. Так что они допускали критику, экономическую критику и социальную критику структур американской жизни, политических структур, экономических структур, бизнес-структур и так далее. Так что они допускали критику этого и сами были довольно критичны к этому, потому что они считали это небиблейским, они считали это небиблейским.

Так что они были недовольны этим. Ладно. Это только начало.

Итак, мы поговорим о Новом Православии пару дней. Это важная группа людей. Так что хорошего вам дня.

Это доктор Роджер Грин в своем учении об американском христианстве. Это сессия 20, Социальное Евангелие в Америке, Часть 2.